

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЪ“.

38.45.5.242

Первая библиотека.

С. С. Арнольди.

1.— КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТЬ БУДУЩЕЕ?

2.— Изъ рукописей 90-хъ годовъ.

МОСКВА

1905.

вредное и опасное недоразумѣніе, такъ какъ ничто не совершалось въ исторіи безъ энергическаго личнаго дѣла. Едва ли не по такому же недоразумѣнію слишкомъ многие думаютъ, что социалистическіе принципы для своего осуществленія требуютъ лишь интеллектуальнаго убѣжденія и болѣе или менѣе дѣятельнаго участія личности въ современной коллективной борьбѣ труда противъ капитала. Я позволю себѣ думать, что эти принципы требуютъ еще возможно болѣе послѣдовательной личной социалистической жизни, способной дѣйствовать примѣромъ и на товарищей, и на новыхъ прозелитовъ социализма. А многие ли изъ насъ, называющіе себя социалистами, не только выполняли и выполняютъ это требованіе, но когда-нибудь сознательно поставили его себѣ, какъ жизненную цѣль?

Но меня пугаетъ расширеніе передъ моею мыслью этой печальной области недоразумѣній; я боюсь и утомить добрыхъ пріятелей, пришедшихъ встрѣтить со мною новый 1899 годъ, и буду доволенъ, если мнѣ удалось лишь убѣдить васъ, что желаніе устранить жизненные недоразумѣнія есть желаніе далеко не отвлеченное.

ОТВѢТЪ ЖЮЛЮ ГЮРЭ.

(Изъ книги «Enquête sur la question sociale en Europe»
par Jules Huret).

П. Лавровъ—духовный глава русскихъ социалистовъ. Математикъ, философъ и социологъ, онъ обладаетъ громадной эрудиціей. Онъ былъ профессоромъ въ С.-Петербургской Артиллерійской Академіи съ чиномъ полковника, и съ 60-тыхъ годовъ сталъ оказывать значительное вліяніе на русскую молодежь. Вслѣдствіе опубликованія своихъ, знаменитыхъ въ Россіи, «Историческихъ Писемъ» былъ вынужденъ бѣжать въ Парижъ отъ угрожавшей ему ссылки *). Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у насъ (1870 годъ), онъ сталъ въ открытую оппозицію къ политическому и социальному режиму Россіи и сдѣлался однимъ изъ апостоловъ русскаго социализма. Глубоко уважаемый русскими и польскими эмигрантами, онъ всегда отличался большою скромностью, веда жизнь, достойную политическаго эмигранта. Въ мірѣ ученыхъ онъ извѣстенъ своимъ крупнымъ трудомъ: «Опытъ исторіи мысли».—По моему

* Не точно; П. Л., какъ извѣстно, бѣжалъ сначала 25 го февраля 1866 года въ вѣлогодскую губ., откуда бѣжалъ 25 февраля 1870 г. (Прим. издат.).

просьбѣ, г-нъ Лавровъ, въ отвѣтъ на рядъ предложенныхъ мною вопросовъ, соблаговолилъ мнѣ написать слѣдующее письмо.

Милостивый государь!

Вы предложили мнѣ нѣсколько вопросовъ о внутреннихъ дѣлахъ Россіи. Чтобы отвѣтить на нихъ съ доказательствами въ рукахъ, было бы мало написать дѣлѣй томъ, что, понятно, не соотвѣтствуетъ Вашей задачѣ, да и для меня невыполнимо. Я ограничусь поэтому только нѣсколькими краткими указавіями, не пытаюсь изложить различные фазисы этой крайне сложной проблемы или нарисовать, хотя бы очень неполную картину той борьбы, которая происходитъ на моей родинѣ. Для краткости я буду разбирать Ваши вопросы не въ томъ порядкѣ, въ какомъ Вы мнѣ ихъ предлагали; я тѣмъ болѣе считаю себя въ правѣ это дѣлать, что нѣкоторые изъ нихъ, по моему, повторяютъ одно и то-же, по отношенію же къ остальнымъ вопросамъ я вынужденъ буду ограничиться очень краткими отвѣтами.

1. Последнее прилагается къ Вашему первому вопросу. «Думаю ли я, что революція въ Россіи необходима и неизбежна?»

Я считаю, что все совершившееся въ исторіи должно было неминуемо совершиться, но къ предсказаніямъ будущаго я отношусь очень скептически. *Мнѣ кажется*, что паденіе русскаго

бюрократизма «фатально» должно совершиться, потому что всѣ цивилизованныя страны избавились отъ этой архаической формы правленія; и я оставляю тѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые заявляютъ себя защитниками самодержавія, обязательную и не особенно пріятную для нихъ задачу, доказать, что наше отечество остается и должно оставаться внѣ движенія современной цивилизаціи. Я вѣрю, что паденіе бюрократіи необходимо для того, чтобы мои соотечественники не потеряли всякаго чувства собственного достоинства, — всякую возможность умственного и общественного развитія, такъ какъ достоинство и развитіе, какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и цѣлой группы, съ теченіемъ времени становится несовмѣстимымъ съ бюрократическимъ режимомъ. (Въ подтвержденіе моего мнѣнія, я могъ бы привести длинный списокъ работъ, при томъ и такихъ, которыя открыто продаются въ Петербургѣ и Москвѣ.)

2. Вы спрашиваете: «Не понадобятся ли вѣка, чтобы мужикъ измѣнилъ основы своего міровоззрѣнія. *Богъ и царь?* развѣ не въ нихъ сосредоточились вся его нравственность, всѣ его пониманія общественной жизни?»

Прежде всего замѣчу, что земледѣльческій классъ повсюду, благодаря своему роду жизни, наиболѣе отсталый классъ народа. Нѣмецкіе и французскіе социалисты встрѣчаютъ болѣе всего затрудненій для распространенія своихъ идей въ деревняхъ, между тѣмъ какъ въ городахъ и про-

мысленныхъ окружающихъ социализмъ такъ быстро прогрессируетъ. Тѣмъ не менѣе возможность большихъ крестьянскихъ возстаній противъ слишкомъ угнетающаго ихъ режима подтверждается исторіей Германіи, Франціи и Англіи въ то время, когда фабричныя рабочіе не составляли главнаго контингента революціонной арміи. Въ Россіи большія крестьянскія возстанія имѣли мѣсто и въ болѣе близкое къ намъ время. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы русскій мужикъ не могъ возстать противъ современнаго режима. Но это возможно при условіи, чтобы инициатива этого движенія принадлежала хорошо организованной партіи въ городахъ. Много можно было бы сказать и о стереотипной фразѣ о «Богѣ и царѣ», какъ врожденномъ культѣ русскаго крестьянина. Кто хорошо знакомъ съ русскими народными поэтическими произведеніями, въ особенности съ той презрительной ролью, которую играли въ нашихъ былинахъ св. Владиміръ, предполагаемый или дѣйствительный предокъ всѣхъ нашихъ княжескихъ родовъ— тотъ имѣетъ довольно основаній, чтобы относиться скептически къ этому предполагаемому культу. Русскій мужикъ не больше и не меньше революціонеръ, чѣмъ крестьянинъ любой другой страны. Но онъ нуждается въ землѣ; онъ обремененъ налогами; а русскій абсолютизмъ не можетъ снять съ него это бремя. Нашъ мужикъ будетъ за того, кто облегчитъ ему тяжесть налоговъ, кто дастъ ему землю, въ кото-

рой онъ нуждается. Следовательно... (предоставляю Вамъ самимъ сдѣлать выводъ).

4. «Носитъ ли русскій нигилизмъ преимущественно политическій или социалистическій характеръ? приближается ли онъ по своему характеру къ взглядамъ Бакунина или къ теоріямъ Маркса?»

До сихъ поръ я совсѣмъ не касался вопроса о социализмѣ въ Россіи. Теперь, когда мнѣ приходится говорить о немъ, я прежде всего долженъ Вамъ замѣтить, что терминъ «нигилизмъ», который Вы употребляете подобно многимъ другимъ, могъ имѣть точный смыслъ лишь въ эпоху теперь уже весьма отдаленную отъ насъ, между тѣмъ какъ русское революціонное движеніе прошло черезъ нѣсколько различныхъ фазисовъ и при этомъ имѣетъ глубокую внутреннюю связь съ другими періодами социальной эволюціи Россіи.

Въ концѣ XVII-го вѣка русское самодержавіе въ интересахъ своей внѣшней политики не только находило полезнымъ устраненіе всякаго рода препятствій, мѣшавшихъ сближенію русскаго общества съ формами европейской цивилизаціи, но, наоборотъ, всѣми силами содѣйствовало этому сближенію. Подавивъ всѣ традиціонныя учрежденія, въ которыхъ въ средневѣковой Россіи сосредоточивались болѣе или менѣе независимые элементы, оно открыло свободный доступъ европейскимъ идеямъ въ нашу страну. Всѣ прогрес-

свинные слон, съ жадностью прильствовавшие новую цивилизацию, стали на сторону правительства и позволили ему раздавить всякую оппозиционную организацию; мало того, они ему помогали въ этомъ. Это было какъ разъ въ то время, когда вся Европа увлекалась просвѣщенными деспотами, министрами или королями. Но бюрократизмъ улѣстить изъ виду революціонныя идеи, которыя проникли къ намъ вмѣстѣ съ новыми административными или полицейскими формами, вмѣстѣ съ планами лучшей организации армій, вмѣстѣ съ комфортомъ и усовершенствованною роскошью и т. под. Великое крестьянское возстаніе на Волгѣ и французская революція бросили пріятельницу Вольтера и Дидро въ объятія реакціи и въ то-же время толкнули русскіе прогрессивные элементы въ ряды рѣшительной оппозиціи. Съ тѣхъ поръ союзъ между абсолютизмомъ и прогрессивными элементами уже болѣе не возобновлялся, и прогрессивное, нравственное и умственное *вліяніе* принадлежать въ русской литературѣ *исключительно* тѣмъ писателямъ, которые болѣе или менѣе открыто стоятъ въ оппозиціи.

До 1848 г. оппозиція въ Россіи выступала во имя обычныхъ формулъ европейскаго либерализма. Соціалистическіе элементы проникли вмѣстѣ съ другими, но ихъ вліяніе было случайно и довольно ограничено. Въ то время возникъ первобытный *нигилизмъ*. Онъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ страстной и безпоощадной крити-

кой всѣхъ элементовъ европейскаго либерализма. Религія, семья, государство, наука, искусство, соціальныя принципы, свобода, равенство, братство—ничто изъ всего этого онъ не считалъ святынею, не подлежащею критикѣ. Ошибочно утверждали, что нигилисты той эпохи отрицали всѣ эти принципы. Нѣтъ, они не отрицали ничего: они лишь искали того, что есть истиннаго и реальнаго въ этихъ формулахъ. Они были врагами громкихъ словъ. Вполнѣ естественно поэтому, что соціалистическая критика существующаго строя дала имъ лучшее оружіе въ ихъ поискахъ за истиной—поискахъ, дѣлавшихся во имя естественныхъ наукъ и во имя философіи Гегеля; во имя борьбы противъ крѣпостничества и во имя личнаго достоинства; во имя эмансипаціи женщины и во имя долга образованнаго и мыслящаго класса передъ народомъ, который доставилъ ему своими страданіями и своимъ трудомъ всѣ продукты цивилизаціи и мысли.

Во времени Коммуны и раскола въ Интернаціоналѣ въ Россіи уже не было больше нигилистовъ стараго типа. Истина была найдена. Эта истина называлась социализмомъ. Всѣ нигилисты сдѣлались социалистами. Между русскими либералами и русскими социалистами произошло расколъ. Въ это время разногласія въ Интернаціоналѣ отразились также и въ средѣ русскихъ социалистовъ: они раздѣлились на бакунистовъ и марксистовъ. Но эти различія, которыя воз-

буждами въ мірѣ русскихъ эмигрантовъ страстные споры, вызывая враждебныя литературныя теченія, имѣли очень мало значенія въ Россіи. Тамъ переводили и съ увлеченіемъ читали сочиненія Маркса и Лассалля, но въ то же время распространялись и сочиненія Бакунина. Русскіе бакунисты и марксисты, помимо общихъ идей о роли рабочаго класса, помимо совмѣстной проповѣди социализма «въ народѣ», имѣли еще сильнаго и главнаго врага, общаго всѣмъ: императорскій абсолютизмъ. Всѣ социалисты были въ то же время политическими революціонерами; они вынуждены были вмѣстѣ конспирировать и помогать другъ другу въ ежедневной борьбѣ. Настала минута, когда возникла сильная организація, которая централизовала всѣ социалистическія силы для энергичной борьбы противъ бюрократизма; въ нее вошли и социалисты, которые не соглашались по всѣмъ деталямъ съ программой партіи. Я вполне категорически могу утверждать, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени анархизмъ въ своей бакунистской формѣ уже болѣе не существуетъ среди русскихъ социалистовъ. Всѣ признаютъ Карла Маркса учителемъ международнаго социализма. Но существуютъ отклоненія въ вопросахъ, касающихся приложенія его теоріи къ тому или иному специально русскому вопросу. — Вотъ Вамъ мой отвѣтъ на Вашъ вопросъ о вліяніи Бакунина и Маркса.

5. Вы спрашиваете мое мнѣніе о вопросѣ:

«Повлечетъ ли политическая революція въ Россіи за собой и социальную?»

Слѣдовало бы точнѣе опредѣлять терминъ: «социальная революція». Я не думаю, чтобы въ какой бы то ни было великой цивилизованной странѣ въ настоящее время могла совершиться революція безъ того, чтобы социальный вопросъ въ ней не имѣлъ преобладающаго значенія. Я увѣренъ, что въ какой бы формѣ ни совершилась политическая революція въ Россіи (будь то дворцовый переворотъ, промунципментъ, конституція, продиктованная либералами, или торжество социалистической партіи), партія, одержавшая побѣду, немедленно вынуждена будетъ въ большей или меньшей степени заняться социальнымъ вопросомъ. Но никто не можетъ утверждать, что было возможно или вѣроятно немедленное установленіе социалистическаго режима въ Россіи, что, впрочемъ, вѣрно и для другихъ странъ, гдѣ социалистическія идеи опираются на армію организованныхъ рабочихъ. Это зависитъ отъ массы обстоятельствъ.

6. Я желаю бы также подробнѣе, чѣмъ это возможно здѣсь, развитъ мой отвѣтъ на Вашъ вопросъ, который связанъ съ предыдущимъ и который вы мнѣ даже предлагаете два раза въ различной формулировкѣ. Вы спрашиваете: «Должно ли будетъ пройти русское движеніе чрезъ фазисъ политическихъ требованій прежде, чѣмъ коснуться социального вопроса? или же и то, и другое могутъ имѣть мѣсто рядомъ? Наступитъ

ли, другими словами, для Россіи буржуазный 89 годъ?»

Въ настоящее время въ Россіи нѣтъ либеральной оппозиціи въ видѣ организованной партіи, но отдѣльные элементы ея, разсѣянные и изолированные, существуютъ въ большомъ количествѣ. Если бы она имѣла энергію соорганизоваться, то очень возможно, что она попыталась бы устроить другой 1789 годъ. Но въ настоящее время эта оппозиція совершенно деморализована и несмотря на все обиды, которыя наноситъ ей наше правительство, какъ бы побуждая ее къ возмущенію, такъ сказать, помимо ея воли, все-таки мало вѣроятно, чтобы она организовалась въ революціонную партію. Скорѣе пассивнѣе рѣшительныя натуры среди нея вынуждены будутъ индивидуально примкнуть въ качествѣ союзниковъ къ рядамъ организованныхъ социалистовъ, и можно предположить, что попытки будущей революціи совершатся съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ именно подъ преобладающимъ вліяніемъ социалистическихъ идей. Если русскимъ социалистамъ удастся организовать рабочую партію, то вполне естественно, что социальная революція смететъ вмѣстѣ съ бюрократическимъ режимомъ и начала капитализма, еще очень мало развитого у насъ. Подобная же катастрофа, вѣроятно, имѣла бы мѣсто, если бы движеніе могло опереться на обширное крестьянское движеніе. Если же ни то, ни другое изъ двухъ указанныхъ теченій не

будетъ въ состояніи произвести революціи, и если все-таки русскимъ социалистамъ удастся низвергнуть императорскую власть при помощи пролунціамента, поддерживаемаго достаточнымъ количествомъ рабочихъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, — то можно быть увѣреннымъ, — что мѣры, которыя немедленно же будутъ приняты побѣдителями, тѣмъ значительнѣе будутъ проникнуты социалистическими принципами, чѣмъ значительнѣе, по численности, будетъ участіе социалистовъ въ революціонной партіи. Несомнѣнно, что очень трудно предвидѣть ходъ событій во всехъ этихъ случаяхъ. Пожалуй, можно было бы даже утверждать, что мы стоимъ передъ непреодолимыми затрудненіями; но исторія даетъ намъ доказательства возможности такихъ фактовъ, которые казались столь же мало вѣроятными для тѣхъ, для которыхъ они еще не были фактами совершившимися.

8. Вы меня извините, что я не могу воздержаться отъ улыбки, читая Вашъ послѣдній вопросъ: «Каково настоящее положеніе нигилизма, его организація, его будущность?»

Вы сами, Милостивый Государь, не можете думать, что я сочту себя въ правѣ отвѣтить на этотъ вопросъ. Пусть считаютъ нигилизмъ умершахъ; пусть думаютъ, что онъ только «уснуть» или, наконецъ, что «онъ болѣе живучъ, чѣмъ когда-либо», не наше — русскихъ социалистовъ — дѣло говорить объ этомъ. Въ то время какъ Гэды, Либкнехты, Барны могутъ открыто за-

принять свои убъждения, мы—конспираторы по необходимости. Мы работаемъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать русское движеніе болѣе жизненнымъ, чѣмъ когда-либо. Мы его постараемся разбудить, если оно уснуло. Мы хотимъ бы, чтобы было средство воскресить его, если бы оно умерло.

П. Лавровъ.

ПЕСТРЫЯ ЗАБОТЫ И СОЦИАЛИЗМЪ.

(Сказано 14/2 июня 1899 г.).

Дорогіе товарищи!

Еще разъ благодарю васъ за вашъ горячій и дорогой мнѣ приѣзъ и за то, что вы, среди шумныхъ и тяжелыхъ заботъ дня, все-таки вспомнили старика-товарища, который съ усерднымъ вниманіемъ и съ горячимъ сочувствіемъ слѣдитъ за этими шумными и тяжелыми заботами.

А ихъ много, и онѣ представляютъ пестрое зрѣлище, то заслоняя существенное преходящимъ, но болѣе яркимъ, то выдвигая снова изъ-за вопросовъ и столкновений для неуспрающихъ историческихъ задачи.

Кто изъ васъ, прожившій, какъ и я, этотъ годъ въ Парижѣ, не поддавался влиянію того «дѣла», которое наполняло газеты и частныя пренія, побуждая забывать на болѣе или менѣе